

Константин Станюкович

Оригинальная пара

Константин Михайлович Станюкович
Оригинальная пара
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165670

*К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1.: Правда;
Москва; 1977*

Содержание

I	4
II	11
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Михайлович Станюкович ОРИГИНАЛЬНАЯ ПАРА

I

Мне окончательно опротивела жизнь в меблированных комнатах с их неизменными прелестями: каким-то, им свойственным, прокислым запахом, постоянной сутолокой, звонками, хлопаньем дверей, с присущим каждой меблированной квартире непременным «беспокойным жильцом», «на днях» уезжающим в Ташкент и приводящим в смущение своей свободой обращения не только юрких, не особенно застенчивых горничных, но даже самую хозяйку – толстую, заспанную, перезрелую рижскую уроженку, отставную камелию средней руки, благоразумно променявшую прежнюю профессию на профессию содержательницы шамбр-гарни ¹.

Я решил искать более тихое пристанище, в виде комнаты «от жильцов», предлагаемой, как часто объявляют в газетах, «скромным, небольшим семейством одинокому молодому человеку».

Долго шатался я по разным комнатам, пока не набрел на

¹ *Шамбр-гарни* – меблированные комнаты (франц.).

подходящую. Комната была недорогая, светлая, опрятная и – главное – единственная, отдаваемая жильцам. «В остальных, – объяснила мне старая кухарка, – живут господа».

– Немцы? – спросил я, пораженный особенной чистотой.

– Что вы! Какие немцы? – обидчиво возразила старуха. –

Русские: муж да жена.

– Детей нет?

– Какие дети!.. – проговорила кухарка. – Детей нет!

– Старики?

– Ну, нет... молодые! Комната преотличная... Всего неделя только, как жилец съехал, чиновник, жениться собрался... Диван новенький, мягкий (при этом она хлопнула ладонью по дивану), можно еще пару стульчиков прибавить...

– Как вас звать?

– Степанидой люди зовут.

– Так я, Степанида, нанимаю комнату. Кому отдать задаток?

– Давайте хоть мне, господ дома нет. А вас как звать? Вы какие будете?

– Зовут меня Иваном Петровичем... Бывший студент!

Степанида еще раз оглядела меня с ног до головы, приняла задаток и примолвила:

– Только, Иван Петрович, чтобы шуму никакого не было... по ночам...

– Насчет этого не беспокойтесь, Степанида. Я сам не люблю шуму...

– И вот что еще – уж вы извините, батюшка, меня, старуху... Вы... (она видимо стеснялась сказать) вы... не пьете?

– Нет.

– То-то!.. – добродушно обронила она, взглядывая своими ласковыми глазами.

– Да вы почему об этом так спрашиваете? Разве напали на пьяных жильцов?

– Нет, слава богу, этого не было... Но только... А уж вы не сердитесь, пожалуйста! – закончила она, кланяясь и не давая ответа на мой вопрос.

На другой же день, уложив все свое имущество на извозчика, я переехал на новую квартиру.

После шума меблированных комнат, новая квартира показалась мне просто раем. Тепло, уютно, опрятно, спокойно – ничто не мешало занятиям. Одно обстоятельство несколько смущало меня: рядом с моей комнатой была жилая комната хозяев, но и этот страх близкого соседства прошел после первых же дней. Ни шума, ни сцен. Соседи, как кажется, вставали и ложились поздно, а я рано уходил из дому, и когда возвращался, снова была тишина. Иногда только женский голос доносился из других комнат мягкими звуками. Ложился я спать тоже среди полнейшей тишины, словно никого не было дома... Женский с контральтовыми нотами голос раздавался за стеной только с вечера. Ежедневно с семи часов в соседней комнате начиналось умывание и одевание: слышался плеск воды, раздавались тихие вскрикивания, затем

начиналось шуршанье юбок. Когда туалет приходил к концу, между соседкой и Степанидой начинался обыкновенно разговор вполголоса. Степанидин голос, понижаясь все более и более, принимал какой-то убеждающий шепот; в ответ раздавались раздражительные ответы. Эта непонятная для меня беседа заканчивалась обыкновенно шумом юбок и громким вопросом: «хорошо ли сидит?», на что в ответ получались одобрительные восклицания Степаниды: «Павушка... королева ты моя!» и т.п. Затем по коридору раздавались шаги, и мимо моих дверей проносился легкий шелест шелкового платья; душистая струйка врывалась в мою комнату, затем хлопали дверями, и снова в квартире водворялась мертвая тишина.

Прошло две недели, и мне не случилось увидеть своих хозяев. Признаться, они меня заинтересовали. Странное что-то было в этой квартире. Степанида вечно шепталась за стеной с хозяйкой, а во время ее отсутствия я несколько раз видел, как она, поджидая барыню, заливалась слезами, но всегда при моем появлении отворачивалась, желая скрыть слезы... Среди ночной тишины по коридору шлепали, бывало, туфли; осторожной, робкой походкой проходил кто-то, и тогда в коридоре начинался какой-то странный разговор. Мягкий, тихий мужской голос о чем-то упрасивал Степаниду, но она обыкновенно отвечала: «Нельзя, родной мой... ложись лучше спать». Но тихий голос так убедительно просил «Степаниду Матвеевну», что старуха не выдерживала и, ка-

залось, сдавалась на просьбы. «Ну, изволь, только, смотри, сейчас же ложись, чтобы она не видала!» – говорила она и вслед затем куда-то исчезала. После одного из таких разговоров я встретил ее как-то на кухне. Она только что вернулась и под платком что-то прятала, но, увидав меня, сконфузилась... Со мной Степанида не заговаривала о хозяевах. Я не спрашивал. Раз только, подавая самовар, Степанида закинула:

– Нашу видели?

– Нет. А что?

– Ничего. Я так. Полмесяца живете и не видали...

– Разве интересно?

– Как кому! – загадочно проговорила Степанида, обрывая разговор, несмотря на мои попытки продолжать его.

– А муж, видно, домосед?

– Да... читать любит... За книжками более... Однако я с вами болтаю, а у меня дело есть...

С тем и ушла.

Кажется, на другой или на третий день после этого разговора я заработался что-то долго. Был четвертый час утра, когда раздался звонок, и по коридору прошумел знакомый шелест платья... За стеной раздался хохот.

– Ну, раздевай меня, няня... Что, вам весело было? – произнесла хозяйка веселым голосом.

– Ах, Зоя Михайловна... И тебе не жаль его?

– Молчи, нянька... Он спит?..

– Вряд ли... Сама знаешь, до сна ли...

– Дурак! – презрительно произнесла она.

Слышно было, как Степанида всхлипывала.

Шуршанье юбок смолкло.

– Жилец хорош собой, няня? – тихо продолжал голос.

– Нет.

– Тоже, кажется, такой же дурак, как и наш! – весело засмеялась хозяйка.

Голос ее понизился, и снова раздался смех.

– Ну, няня, перекрести меня... да поцелуй...

За стеной смолкло.

Я задремал... Вдруг странный шум вблизи пробудил меня. Рядом, за стеной, раздавался гневный женский голос, перешедший в крик. Кто-то бешено затопал ногами. На секунду водворилась тишина, и вдруг что-то свистнуло и – показалось мне – раздался удар хлыста по чему-то мягкому... По комнате торопливо пробежали...

Я вышел в коридор.

У дверей соседней комнаты стояла молодая женщина со свечой в руках... Я взглянул и изумился – такая она была красивая в белом капоте, с распущенными по плечам волосами. Что за прелестные черты, несмотря на то, что они были искажены гневом! В лице – ни кровинки, губы вздрагивали; грудь подымалась; всю ее точно подергивало. Голубые глаза с расширенными зрачками блестели зловещим блеском... Фигура стройная, гибкая... В руке маленький хлыстик, змейкой

извивавшийся по белому капоту...

На другой стороне коридора, напротив, в полутемноте стояла маленькая мужская фигурка в плохеньком халате. Со-
всем молодой человек, худой, с тонкими, изящными черта-
ми красивого лица и большими, темными, кроткими глаза-
ми. Эти кроткие глаза сразу подкупили меня в свою пользу, и
вся его робкая фигурка показалась мне необыкновенно сим-
патичной. Он растерянно, робким, ласковым взглядом смот-
рел на женщину и как бы умолял ее успокоиться... В лице
его было что-то детское и глубоко симпатичное...

Она бросила на меня быстрый, резкий взгляд и быстро
скрылась в двери. А он как-то застенчиво взглянул и тихо
сказал, улыбаясь кроткой улыбкой:

– Вы извините, мы на шумели, побеспокоили вас... Види-
те ли: мы заспорили и...

Он опять застенчиво взглянул и прибавил:

– Жена вспыльчивая... Все добрые – вспыльчивые...

Он постоял, как бы в раздумье, несколько времени и тихо
побрел на кухню.

– Извините... – прошептал он еще раз, проходя мимо.

Я вошел в свою комнату, разделся и лег спать. За стеной
было тихо. Нервы мои были возбуждены, я ворочался с бока
на бок и долго не мог заснуть... Мне все слышались за стеной
сдержанные рыдания.

II

Через несколько времени я познакомился с молодым человеком. Это была замечательно кроткая душа. Он иногда захаживал ко мне, брал книги и любил вести «теоретические» разговоры, и при таких разговорах оживлялся; тогда его лицо делалось еще милей. Говорил он, не смотря на вас, а глядя куда-то вдаль, и точно говорил не вам, а разговаривал сам с собою; о жене он почти не говорил, а если случалось упоминать, то упоминал с большим уважением.

По вечерам, когда жены не было, он в своем неизменном халатике приходил, садился, сперва застенчиво озирался и долго молчал. Только несколько времени спустя он становился разговорчивее. Я любил его слушать. Говорил он с каким-то восторженным вдохновением. А то, бывало, зайдет он и остановится среди комнаты, задумается... Я любил в это время смотреть на его задумчивое, кроткое лицо, и всегда какая-то жалость сжимала мне сердце... Лицо его было худое, подозрительный румянец играл на щеках, он часто кашлял, схватываясь своими тонкими руками за грудь, и кашель был такой скверный... И каким он чужим казался среди окружающей обстановки! Всегда одет плохо, совсем плохо; сам, бывало, ставил самовары, чистил себе сапоги и добродушно ссорился по этому поводу со Степанидой, которая, казалось, любила его не меньше, чем свою барыню. И ком-

натка его совсем не похожа была на другие комнаты квартиры. В гостиной, столовой и еще какой-то полутемной, убранной в турецком вкусе, везде была роскошь, изящество, масса дорогих безделушек, цветы, картины, везде заметна была умелая рука любящей комфорт женщины, а у него в маленькой комнатке, совсем позади, какой контраст! Письменный стол, несколько стульев, клеенчатый диван, на котором он спал, и книги... Книгами была завалена вся комната. Книги валялись на окнах, на столе, на диване, на полу... Только большой, роскошный акварельный портрет жены в дорогой рамке висел над диваном и резко выделялся своим роскошным видом. На портрете жена была замечательной красавицей, более молодой, чем теперь; видно было, что портрет снят раньше. Я и забыл сказать: звали моего знакомого Василием Николаевичем Первушиным. Он был математик, определенных занятий не имел, по целым дням копался в книгах.

Однажды я зашел к нему. Жены, по обыкновению, не было дома. Смотрю – ходит он по кабинету, и такое грустное, скорбное выражение в его кротких глазах... Он совсем сконфузился при моем появлении, ну совсем растерялся... Я недоумевал, но скоро понял причину: на столе стоял наполовину отпитый полуштоф и рюмка...

– А жены дома нет! – проговорил он. – Она уехала... Женщина молодая, ей надо веселиться... правда?

Я что-то ответил.

– Что ей дома-то сидеть... Не скучать же...

И он снова заходил.

– Я, – начал он робко, – изредка люблю, знаете ли, немного выпить... Думается шире... мысли какие-то светлые такие идут в голову. Вы этого не пробовали?..

– Нет.

– Право?.. А впрочем не пробуйте... Я все глупости говорю...

И он как-то неловко повернулся, свалил со стола рюмку, которая разбилась, и окончательно смешался и оробел...

Я отвернулся и долго смотрел на портрет.

– Как вы его находите? – произнес он. – Не правда ли, прекрасное лицо?.. Вот взгляните...

И он достал из стола еще несколько портретов и подал мне. Это все были фотографии его жены, их было, кажется, штук двадцать, снятых в разное время в разных позах и костюмах.

– Ну что?

– Фотографии очень хорошие...

– Да... – задумчиво как-то проговорил он, – хорошие, а вот я вам покажу другое лицо! – сказал он, и при упоминании об этом лице его собственное лицо как-то вдруг прояснилось, стало светлее, и в глазах засветился какой-то чудный луч глубокой любви.

Он достал большую фотографию и подал мне. Это был портрет молодой женщины, необыкновенно симпатичной.

Что-то знакомое промелькнуло мне в этих чудных чертах необыкновенно милого, несколько строгого лица. Я посмотрел на Василия Николаевича и догадался.

– Это ваша сестра?

– Да, – улыбнулся он. – Мы похожи!.. К несчастью, только лицами! – добавил он. – Чудная душа! Ах, какая это душа, если б вы знали!

Когда он заговорил о ней, я залюбовался на него. Такое благоговение было в его лице...

– Я ее увижу... непременно. Нельзя же... надо наконец... – вдруг проговорил он, думая, по обыкновению, вслух. – Я разужнаю адрес...

В это время раздался звонок.

Первушин видимо оробел. Он быстро спрятал портреты, убрал со стола водку и испуганно взглянул на меня.

– Который час?.. – проговорил он.

– Двенадцать.

– Как рано!.. – обрадовался он и видимо стеснялся моим присутствием.

Я хотел было уйти, как около раздались легкие шаги, и на пороге появилась моя соседка. Она была гораздо красивее, чем тогда, когда я видел ее в первый раз. Шикарное шелковое платье обхватывало ее стройный стан; из-под роскошной шляпки выбивались белокурые пряди; лицо было оживлено и казалось свежее от горевшего на щеках румянца. Она вся улыбалась и внесла за собой какой-то неуловимый, ще-

котавший нервы аромат. Заметив меня, она ответила на мой поклон самым грациозным, любезным кивком хорошенькой головки. Во всех ее движениях сказывались грация и такт светской женщины.

– Я просто в восторге от Паска ²! – проговорила она, обращаясь к мужу. – Что за прелесть актриса! какой ум, какая игра! Однако ты, Вася, рассеянный какой... Ты нас не знакомишь? – указала она на меня и подошла ко мне, проговорила: – Зоя Михайловна Первушина.

Я назвал свое имя.

О первой встрече ни полслова.

– Ну, пойдете, господа, пить чай... Иди же, Вася... Ты здоров?..

Он кротко так взглянул на нее и отвечал:

– Здоров, Зоя... здоров, что мне делается?

Мы пили чай в столовой. Зоя Михайловна говорила без умолку. Она видимо находилась под впечатлением пьесы и игры. Василий Николаевич с любовью слушал жену, и когда она делала особенно удачные замечания, он значительно покачивал головой и смотрел на меня, будто желая сказать: «видите ли, какая она умная и хорошая».

Однако скоро она умолкла, и веселое расположение духа исчезло. На лицо налетела какая-то тень. Она смолкла и задумалась. Первушин беспокойно взглядывал ей в лицо. Я

² Паска (1835–1914) – французская актриса. С 1870 по 1876 год играла на сцене Михайловского театра в Петербурге.

поспешил уйти.

III

Прошло месяца два. Я редко видал своих новых знакомых. Первушин почти не заходил и не звал меня к себе. За стеной было совсем тихо, и по вечерам я уже не слышал обыкновенных разговоров хозяйки со Степанидой. Оказалось, что спальня была переведена в другую комнату.

Степанида по обыкновению помалчивала. Раз как-то, когда я спросил о здоровье Василия Николаевича, она ответила, что он нездоров. По грустному лицу доброй старухи я догадывался, что там опять было неладно.

– Что с ним?

– Кашляет все.

– Бедный!

– Ну, и она, моя голубушка, тоже бедная.

– Хороша бедная! – заметил я, – веселится, бегают из дому, а он чуть не на ладан дышит.

– Молчите, коли не знаете! – рассердилась старуха.

– Да нечего и знать... Вы-то что так заступаетесь?

– Я-то? Да ведь я вынянчила Зоюшку. Крепостная еще ихняя была. Как же мне не заступаться... И кто же за нее заступится, за бесталанную!..

На старом лице Степаниды видна была глубокая скорбь, а в словах звучала такая теплая нотка, что я не мог не засмотреться на ее доброе лицо.

– Да ты что на меня уставился? – спросила Степанида, вдруг начиная говорить мне «ты».

– Ничего... Тоже и его жалко.

– А то как же... Такая душа и...

Она не договорила и махнула как-то безнадежно рукой.

Однажды я сидел у себя в комнате, как вошел Первушин. Он совсем осунулся и похудел еще более. Он был не в халате, как обыкновенно, а в потертom черном сюртуке, подал руку и заходил по комнате. Я заметил в нем какую-то странную решимость, вовсе не идущую к его робкому виду. Он ходил и говорил вполголоса:

– Она зовет... Уйду. Надо ж наконец... я не позволю... все, что хочешь, но не касайся сестры. Она святая... Я этого не переносу.

Он остановился, странно оглянулся вокруг и вдруг замолчал. Видимо ему хотелось поговорить, но он чего-то стеснялся.

– Знаете ли что... – начал было он и замахал рукой, как-то печально улыбаясь. – Не то!.. У вас есть вино? – вдруг спросил он.

– Нет.

– Нет – и не надо. Редко две половинки сходятся... Уравнение, в котором x равен... чему x равен?

– Пойдемте-ка, Первушин, прогуляйтесь лучше.

– В самом деле, пойдемте, – обрадовался он. – Но как же шапка?

– Какая шапка?

– Моя! – робко заметил он. – Она у Степаниды, у этой доброй души, которая всю свою жизнь отдала другим, но стережет мою шапку.

– Так я возьму ее.

Я вышел из комнаты и пошел в кухню. Когда я попросил у Степаниды шапку Василия Николаевича, она спросила: «зачем, куда теперь идти... первый час!» Но когда я настаивал и сказал, что мы идем гулять вместе, она пошла к барыне, скоро вернулась оттуда, дала мне шапку и маленькую записочку от Зои Николаевны. В этой записочке женским неразборчивым почерком были написаны следующие строки: «Вино губельно для здоровья мужа; бога ради не угощайте его и удержите. Он и без того слаб».

Я вернулся и, когда вошел в комнату, Первушин спросил:

– Достали?

– Вот она! – отвечал я.

– Так идемте. Скорей только.

Мы вышли на улицу. Ночь была тихая, лунная, славная. Слегка морозило. Однако мой сосед плотно кутался в свое худенькое пальто и задыхался.

– Вам тяжело? Поедемте, вон и извозчик.

– Тяжело? Всем тяжело! – как-то задумчиво отвечал он, – а извозчику еще тяжелей. Нет, нет, пройдемтесь... Я редко нынче хожу. Видите, какая славная ночь, как красива луна, и как жить хочется. Вы знаете легенду, почему она побледнела

перед солнцем? А звезды? Знаете ли, бывают минуты, когда хочется говорить... ужасно как хочется, а я вообще мало говорю... о себе, то есть...

– Да вы не спешите так, Василий Николаевич, вам вредно.

– А я разве спешу? – усмехнулся он, умеряя шаги. – Когда-то я спешил надеть шлем, но вместо него надел на голову таз, который гораздо более подходит к моей фигуре.³

³ *Когда-то я спешил надеть шлем, но вместо него надел на голову таз, который гораздо более подходит к моей фигуре.* – Первушин намекает на свое сходство с героем романа Сервантеса Дон Кихотом, принявшим, как известно, бритвенный таз за драгоценный шлем Мамбрина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.